

УДК 904:72(476.6)«15/18»

**МУЗЕЕФИКАЦИЯ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИИ В БЕЛАРУСИ:
ОТ УНИКАЛЬНОГО ПАМЯТНИКА ДО ФЕНОМЕНА КУЛЬТУРЫ***канд. ист. наук Н.А. ПОЧОБУТ**(Гродненский государственный историко-археологический музей)*

*Музеефикация памятников археологии в Беларуси рассматривается автором как феномен культуры 2-й пол. XX – нач. XXI ст. Он зародился в 1930-е гг., пробивался к жизни с конца 1940-х гг. и в 1950-е гг., наконец получил свое наибольшее развитие в 1970–1990-е гг. с созданием ряда филиалов областных музеев и историко-культурных заповедников на основе сохранных *in situ* уникальных памятников археологии. В начале 2000-х гг. продолжилось осуществление уже ставших традиционными проектов музеефикации, а в последнее 10-летие происходит переориентация на создание моделей доисторических и средневековых поселений, выполняющих рекреационную функцию. Музеефикация археологического наследия – феномен современной культуры, который работает на сохранение и популяризацию национального историко-культурного наследия в целях развития культуры. Мероприятия, связанные с музеефикацией являются вкладом в устойчивое развитие общества, так как способствуют осмыслению собственной культуры и «диалогу культур» в самом широком смысле его понимания.*

Ключевые слова: музеи, Беларусь, музеефикация, археологическое наследие.

В российском теоретическом музееведении пристальное внимание к музеефикации историко-культурного наследия проявилось относительно недавно. В 1980-х гг. музееведение определяло музеефикацию памятников как направление культурной политики и отрасль музейного дела, сущность которого заключается в превращении недвижимых памятников истории и культуры, природных объектов в объекты музейного показа, целью музеефикации было сохранение и рациональное использование объектов в культурной пропаганде [17, с. 78]. Только в работах начала XXI в. М.Е. Каулен и в ее монографии (2012 г.) музеефикация впервые предстает как самостоятельное направление музейной деятельности, важнейший фактор формирования и развития музеев [11]. Культурологом высказана мысль о том, что современный этап развития «музейного мира», начавшийся в 1990-х гг., следует связывать, в т.ч. с процессом переориентации музейной деятельности с коллекционирования на музеефикацию. М.Е. Каулен выделила периоды и сформулировала цель музеефикации объектов историко-культурного наследия – максимальное сохранение, выявление историко-культурной, научной, эстетической ценности объектов и их активное включение в современную культуру [10, с. 390]; показала реставрационно-аналитический (1945 – середина 1980-х гг.) и функционально-средовой подходы к музеефикации памятников археологии в СССР. Культуролог Э.А. Шулупова рассматривает музеефикацию памятников как механизм использования культурного наследия [26], И.М. Минеева считает археологическое наследие уникальным компонентом социокультурного пространства регионов [16].

В начале XXI в. отечественные музееведы приступили к разработке вопросов идентификации понятий «культурная зона», «культурный ландшафт», «историко-культурный музей-заповедник», «уникальная историческая территория». Ими активно используется историко-культурологический подход к изучению практики создания музеев-заповедников. Так, значение уникальной исторической территории на примере города Полоцка в историко-культурологическом дискурсе раскрывает Т.А. Джумантаева [6], анализируются и научные подходы к музеефикации Полоцкой Софии. Ряд публикаций белорусских специалистов посвящены организации музеев-заповедников, и в рамках процесса музеефикации ими рассматриваются проблемы регенерации исторических центров городов, включение в заповедники памятников архитектуры, воссоздание интерьеров исторических зданий в структуре музеев: В.В. Глинин, О. Куриленко, Г.М. Кондратьева – авторы публикаций, посвященных Национальному историко-культурному заповеднику «Несвиж»; А.Н. Колбаско, Н.Г. Срибульская, В.И. Козловский – историко-культурному музею-заповеднику «Заславль»; Н.Ф. Высоцкая, А.А. Скепьян – музею «Замковый комплекс «Мир». Термин музеефикация начал использоваться в отношении всего спектра историко-культурного наследия отдельных регионов культурологами А.И. Смоликом и Д.В. Герасимёнком.

В Беларуси проблемы музеефикации памятников археологии впервые были озвучены во второй половине 1940-х гг. в связи с созданием Гродненского государственного историко-археологического музея директорами музея И.И. Василевичем, Н.И. Сободем, археологом Н.Н. Ворониным, а также в ходе раскопок Минского замчища археологом В.Р. Тарасенко. В 1970–1980-е гг. проекты музеефикации

памятников археологии были разработаны архитекторами С.Г. Багласовым, В.Г. Слюнченко и археологами П.Ф. Лысенко, Л.В. Колединским. Первое определение музеефикации археологических объектов в отечественной науке дано Л.В. Колединским в энциклопедии «Археалогія і нумізматыка Беларусі» (Мн., 1993, с. 445–446): «это комплекс мер, направленных на сохранение и экспонирование археологических объектов с целью пропаганды исторических знаний. Она проводится в соответствии с распоряжением или постановлением Совета Министров республики. Музеефикации предшествуют археологические раскопки, консервация вскрытых археологических объектов и возведение над ними стационарного павильона. Предусматривается соответствующий досмотр и содержание объектов в надлежащем состоянии».

На современном этапе музейный парк как одну из форм презентации археологического наследия в России изучали И.К. Бахтина, А.Н. Дробышев; академиком А.И. Мартыновым доказана необходимость ландшафтного подхода к музеефикации памятников археологии. Белорусский археолог И.М. Язепенко обосновывал целесообразность организации в Гомельской области археологическо-биологического заказника.

Нам представляется, что культурный потенциал музеефицированных памятников археологии может проистекать из той особенной специфической среды соприкосновения с культурой ушедшей, ощущаемой необъяснимо ценной в ходе посещения сохранных после раскопок памятников или их участков. В работах М.М. Бахтина в 1920-е гг. была разработана методология взаимодействия культур, в частности – диалог культур. М.М. Бахтин пишет также о диалоге культур ушедших эпох и культур современных: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа, на эти наши вопросы; и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» [2, с. 335]. Философская концепция диалога культур продолжала разрабатываться как онтологическая диалогика культур В.С. Библером в Российском государственном гуманитарном университете. Он утверждал, что каждая культура может найти подлинное и адекватное обоснование только в другой культуре, базирующейся на ином типе разума и понимания. Отсюда вытекает новая версия философии диалога культур, участники которого в терминологии автора – античная, средневековая, Нового времени, современная, африканская или любая другая культура. Согласно В.С. Библеру, такой диалог свойственен только современной культуре. Это своего рода возрождение культур – бывших и сущих, когда культура XX века, сосредоточенная в канун нового XXI века, актуализирует бытие прошлых культур. Думается, что дальнейшее исследование концепта музеефикация будет плодотворным с использованием культурно-философских концепций М.М. Бахтина и В.С. Библиера.

В мировой практике первым археологическим памятником, который стал музеем, является древнеримский город Помпеи, раскопки которого начались еще в середине XVIII в. На территории Восточной Европы первым музеефицированным объектом стал античный город Херсонес. Его изучение и создание музея начались во второй половине XIX в. Уместно отметить, что первым исследователем античного Херсонеса был уроженец Витебщины археолог, инженер К.К. Кастюшко-Волженич (1847–1907). Он начал раскопки в 1888 г., и уже в 1900 г. был создан музей, включавший более 20 античных храмов и часовен-усыпальниц. Музеефикация была обусловлена потребностями научного знания в овладении научными фактами об исчезнувшей цивилизации, эти исследования положили начало оформлению археологии как самостоятельной науки.

Появление археологических музеев *in situ* в Беларуси – это явление, принадлежащее исключительно XX веку. Оно зародилось в 1930-е гг. в Западной Беларуси (Гродно, Старый замок), пробивалось к жизни с конца 40-х гг. и в 50-е гг., наконец получило своё наибольшее развитие в конце 1970-х и в 1980-е гг. В истории отечественного музейного строительства музеефикация археологических памятников проявилась в создании целого ряда оригинальных, не имеющих аналогов в других странах, проектов: Старый замок в Гродно (1939, 1951), городище древнего Берестя (1982), Софийский собор в Полоцке (1987), археологический музей в Витебске (1982–1992). На протяжении многих лет велись исследования и разрабатывались проекты музеефикации Минского замчища (1957–1991), городища Замэчак в Заславле (1977–1996), памятника каменного века Неолитические шахты в г.п. Красносельский (1965–1984).

Музеефикация памятников археологии в БССР шла в трех направлениях: музей средневекового города, музей сакрального памятника, музей производственной деятельности, которые мы сочли возможным таким образом обозначить в соответствии с общепринятой археологической классификацией по видам памятников [20]. Основной экспозицией выступал сам памятник – открытые для обозрения материальные остатки деревянных и кирпичных сооружений. Над экспонируемыми объектами обязательно возводился павильон. Создаваемые археологические музеи *in situ*, как правило, получали в БССР статус филиалов уже существующих краеведческих музеев и заповедников.

Подробная характеристика проектов археологических музеев в контексте истории музейного дела и охраны археологического наследия советского периода изложена нами в специальной монографии [20]. Обрисуем лишь их контуры. Так, Гродненский государственный историко-археологический музей стал первым музеем этого профиля (1945) в БССР и первым отечественным музеем, осуществившим музеефикацию памятника вскрытого архитектурной археологии – древнерусской церкви XII в. на бывшем детинце Гродно. Этому не в малой степени поспособствовала идея археологического музея на этом месте, возникшая у польских консерваторов, которые еще в 1930-е гг. приступили к консервации так называемых Верхней и Нижней церквей и оборонительных стен XII–XIV вв. на территории детинца-замка в Гродно. В конце 1940-х гг. уже новым руководством музея, директором Н.И. Соболев, вынашивались планы превращения территории замка в «подземный музей», включающий Нижнюю церковь XII в. и западную башню XVII в. После завершения археологических исследований под руководством заведующего сектором Древней Руси ИИМК АН СССР Н.Н. Воронина, над ней был построен в 1949 г. павильон и обеспечена научная консервация (1951), что только отчасти воплотило изначально поставленные масштабные задачи по музеефикации. Следующая попытка создания единого археологического музейного комплекса на территории гродненского Старого замка была предпринята в начале 1990-х гг.¹

В этот же послевоенный период в городе Минске по итогам раскопок В.Р. Тарасаенко из ИИ АН БССР было сформулировано предложение о создании музея *in situ*. К сожалению, к этой идее власти не пожелали в то время прислушаться и построили на важнейшем историческом месте столицы Дом физкультуры спортивного общества «Трудовые резервы» (1957) с подземным бассейном. На территории детинца летописного Менска (замчища) в 1950-е гг. были вскрыты городская деревянная застройка, остатки ранее неизвестного каменного храма, а в 1957 г. утвержден архитектурный проект постоянного павильона над ним (автор архитектор Л.Н. Погорелов).

Первым в СССР опытом музеефикации восточнославянского города периода XIII в. и наиболее успешным проектом в Беларуси стал археологический музей «Берестье». Автор идеи, создатель музея и первооткрыватель древнего Брестя – П.Ф. Лысенко, сотрудник ИИ АН БССР. Музей «Берестье» открылся в 1982 г. Его общая экспозиционная площадь составила 1 300 м². В СССР открытию музея «Берестье» придавалось большое пропагандистское и политическое значение, поскольку в польской историографии зачастую отрицалось древнерусское, восточнославянское происхождение Бреста. И только проводимые Петром Федоровичем многолетние исследования в 1969–1982, 1992 гг. подтвердили существование города, упоминающегося в «Повести временных лет» под 1019 г. Основной экспозицией стал археологический раскоп площадью 1 118 м² [27, с. 13–14] с законсервированными ремесленным кварталом конца XIII в. – 28 жилых и хозяйственных построек, 2 улицы, частокол, остатки глинобитных печей. Рядом с ним на стенах, подиумах, в витринах демонстрируются археологические находки XI–XIV вв. (1 200 экспонатов), рассказывающие о жизни средневекового славянского города. В целом же был изучен участок древнего города площадью 1 800 м² при мощности культурного слоя до 7 м; вскрыты остатки 223 построек срубной конструкции, в которых выявлено 38 дверных проемов, 57 печей, фрагменты кровли и др. [14, с. 6]. Результаты изучения Берестья имели и до сих пор имеют большое не только научное, но и культурное значение, т.к. впервые в истории музейного дела была предоставлена небывалая доселе возможность погружения в средневековый быт, в виталитивную² и духовную культуру предков. Количество посетителей в 1980-е гг. составляло свыше 134 тыс. человек ежегодно, а за период с 1982 г. по 2012 г. музей «Берестье» посетили свыше 3 млн человек из 37 государств [7]. По прошествии более 30 лет со дня открытия музей является востребованным объектом культурной жизни в республике – принимает свыше 60 тыс. человек в год, ежегодно проводится около 900 экскурсий для посетителей [26].

По примеру «Берестья» в 1980-е гг. строился «Археологический музей деревянных построек древнего Витебска» – филиал Витебского областного краеведческого музея площадью 240 м². Музей работал в незавершенном виде в течение 7 лет. В готовом музейном комплексе предусматривалось строительство двух

¹ Проект архитектора В.В. Бочкова, который являлся научным руководителем объекта Старый замок с 1985 г. по настоящее время. Планировалось восстановление королевского замка на период XVI – начала XVII вв. и возведение рядом с ним, на южном мысу, стеклянного павильона над участком летописного Гродно с воссозданной застройкой детинца XII в., с церковью и княжеским «теремом» древнерусского времени.

² Термин введен впервые в научный оборот археологом Л.В. Колединским. Виталитивная культура – та часть материальной культуры, которая связана с жизнеобеспечением человека. Сюда относятся жилые и хозяйственные постройки, одежда, пища и предметы повседневного обихода.

капитальных музейных павильонов: «Древний Витебск XIII–XIV вв.» (на территории Верхнего замка) и «Оборонительный вал XII в.» (над оригинальным укреплением древнерусского времени) (автор проекта павильона архитектор Е.К. Колбович). Создатель музея и автор раскопок, открывший для широкого круга зрителей средневековый Витебск, – Л.В. Колединский, ИИ АН БССР [9]. Возведенный 8 октября 1982 г. музейный павильон представлял собой легкую деревянную конструкцию с двухскатной кровлей, приподнятой на 1,5–2 м над современной поверхностью, был электрифицирован, обеспечен водооткачивающим механизмом. Он позволял посетителям вместе с экскурсоводом ознакомиться с исторической топографией, планировкой и застройкой, материальной культурой, хозяйством и бытом витеблян. В музее экспонировались 11 построек, две из которых были квалифицированы как жилища, три – клетки, шесть – хлева, показаны три настила дворовых вымосток, остатки двух колодезев. В экспозицию вошел колодезь XVII ст. срубной конструкции, предметы из раскопок. Демонстрировалась художественная реконструкция участка жилой застройки Верхнего замка XIII – начала XIV вв. художника Д. Теппера. Планировалось возвести и второй павильон площадью 600 м² над еще одним открытым археологом участком города XII–XVI вв.

Самым масштабным по планируемым под музеефикацию площадям и наименее результативным с точки зрения практики был проект Музея древнего Минска (авторы Л.Д. Поболь, Г.В. Штыхов, ИИ АН БССР). Он предполагал восстановление исторической ландшафтной ситуации периода высокого средневековья при впадении реки Немиги в Свислочь, сохранение под куполом огромного археологического раскопа, создание модели храма конца XI – начала XII в. в натуральных размерах и реконструкцию въездных ворот детинца, а также строительство капитального здания для хранения и экспонирования коллекций. Проект нашел воплощение лишь в концепции ученых.

Идею использования реконструктивно-археологического моделирования для музеефикации городища в Заславле содержал и первый проект археологического Музея истории древнего Заславля. Концепция и графическая реконструкция принадлежала археологу Ю.А. Заяцу (ИИ АН БССР), художнику Я.С. Кулику; предусматривала восстановление въездной башни и оборонительных сооружений древнерусского города Изяславля. С 1988 по 1996 гг. в заповеднике делались попытки подойти к организации археологического музея. В 1991 г. заместитель директора по науке заповедника Т.Г. Горанская высказалась за проведение реконструкции самого городища с деревянными въездными воротами, галереями на деревянных стенах-городнях, несколькими постройками на территории внутренней площадки и рвом вокруг городища [8]. Данная концепция ставила превыше всего «восстановление звучания памятника в качестве символа 1000-летней истории города Заславля», который начинался как феодальный замок княгини Рогнеды и ее сына Изяслава. Но идея археологической музеефикации не была претворена в жизнь.

Выделяется подходами к осуществлению музеефикации Музей истории архитектуры Софийского собора в Полоцке, созданный в 1987 г. коллективом архитекторов, искусствоведов, археологов (П.А. Раппопорт, В.А. Булкин, ЛОИА АН СССР; В.Г. Слюнченко, СНРПМ МК БССР) и музейных научных сотрудников, объединивший далекие по времени памятники XI, XV–XVIII вв. Экспозиция состоит из двух основных разделов: «Архитектура и художественное убранство древнего храма» (верхний и нижний зал) и «Архитектура и художественные особенности Софийского собора XV–XVIII вв.» (верхний зал). В начале экскурсии, по специальному маршруту, можно наблюдать контуры фундамента, древнюю кладку стен, остатки столбов, синтрон древнейшего храма. В верхнем зале, в интерьере собора XVIII в., демонстрируются освобожденные от поздних напластований верхние части стен первоначальной Софии – алтарная часть с фресковой росписью, сохранившаяся на высоту 12 м, а также открытая на высоту 8 м западная стена древнего храма. В дальнейшем объектом рассмотрения экскурсантов становится архитектура и история Софийского собора XV–XVIII вв.

На территории Беларуси находится множество археологических объектов, связанных с производственной деятельностью в различные эпохи. Такие памятники воплощают значительный историко-культурный потенциал музеефикации. В современной мировой музейной практике объекты такого рода активно используются для выполнения исторических реконструкций, при проведении т.н. сезонов «живой археологии», привлекают внимание исследователей, а также учащихся и туристов. В 1970-е гг. в БССР мог появиться музей «Древние шахты Белоруссии» на месте крупного кремнедобывающего комплекса конца каменного века и эпохи бронзы (3,5 – 1,2 тыс. до н. э.) возле г.п. Красносельский Волковысского района Гродненской области. Красносельские шахты являются единственными глубокими подземными выработками в Восточной Европе. Они размещены на меловой линзе по левому берегу реки Рось. Шахты представляют собой колодецеподобные стволы в меловых отложениях глубиной 2,5–3 м (реже 5 м) с нишами и штреками в соседние выработки. Рядом с ними открыты многочисленные специализированные мастерские, сезонные и постоянные поселения шахтеров того же периода. В целом Красно-

сельский археологический комплекс включает в себя группу памятников от эпохи мезолита до позднего средневековья, в т.ч. стоянки, шахты, кремнеобрабатывающие мастерские, могильник эпохи неолита – бронзы. Проект Музея неолитических шахт в г.п. Красносельский, созданный сотрудником ЛОИА АН СССР Н.Н. Гуриной в 1970 г., опирался на большую проделанную археологом работу, был поддержан АН БССР. Он отличался акцентом на мероприятия по обеспечению музея туристической инфраструктурой. Отметим, что проект намного мог опередить аналогичный польский музей в Кшемёнках Опатовских, но реализацию его остановило отсутствие методики консервации меловых стенок шахт [20].

Все перечисленные проекты опередили свое время. Во-первых, это касается научной составляющей: масштабов работ, полученных результатов, сохранности вскрытых археологическими раскопками объектов, их количества и разнообразия, впервые примененной методики консервации древесины (В.Е. и Ю.В. Вихровы, С.Ю. Казанская, В.А. Борисов), которые просто не мыслимы и пока остаются недостижимыми в двухтысячные годы. В то же время это были прорывы, не совместимые с все еще господствовавшим традиционным пониманием музея и экспозиции (формационный подход, идея прогресса в развитии общества). В-третьих, эти проекты предполагали огромные государственные инвестиции в науку и культуру (в музейное строительство). С этим «опережением» были связаны и чудовищные коллизии, трудности, с которыми пришлось столкнуться ученым-археологам и научно-исследовательским академическим институтам в процессе обоснования перед органами власти ценности музейфикации археологического наследия. Несмотря на огромные усилия археологов П.Ф. Лысенко, Л.Д. Поболя, М.А. Ткачёва, Л.В. Колединского, Н.Н. Гуриной, Ю.А. Заяца и др., помощь партийных и советских руководителей, часть разработанных проектов музейфикации не была реализована. Это было обусловлено не только отсутствием готовых организационных механизмов музейфикации, законодательной базы, спецификой консервации различных по материалу сооружений в умеренно-континентальном климате. Нам представляется, что отдельными руководителями, впрочем, выражавшим мнение наверное большей части общества, в момент разрушения СССР и последовавшего экономического кризиса доведение всех без исключения проектов до завершения представилось избыточной роскошью. Но еще более очевидным является то, что не был учтен огромный культурный потенциал этих проектов для суверенного белорусского государства. Общественное сознание не было готово воспринимать вдруг открывшуюся культуру прошлых столетий как безусловно ценную. Отчасти это можно проиллюстрировать высказыванием начальника Витебского горкомхоза, который в 1980 г. пришел на археологический раскоп к Л.В. Колединскому и, увидев сверху на глубине около 6 м расчищенную жилую постройку XVI в. на четыре венца с полом и печью, изрек буквально следующее: «То, что человек произошел от обезьяны, – все знают, то, что раньше жили плохо, а теперь хорошо – тоже все знают. Тогда зачем твоя *раскопка?*» [9, с. 60]. Даже учреждения культуры – музеи и Министерство культуры, не сразу и не до конца восприняли музейфикацию недвижимых памятников археологии как неотъемлемую часть своей деятельности. Вся исследовательская работа, начиная с раскопок и инициатив по организации музеев, строительству музейных зданий, осуществлялись преимущественно академическими учеными.

В начале 1990-х гг. в связи с переносом сроков строительства музея в Минске и после ликвидации археологического музея в Витебске была упущена уникальная возможность создания национальных культурных центров в крупнейших городах Беларуси. Перемены 1990-х гг. сделали невозможными прежние формы организации раскопок, научные раскопки практически не финансировались. В 1996 г. было прекращено финансирование работ по подготовке строительной документации реставрации Старого замка. Проект не воплотился в жизнь, но с изменениями реанимирован в 2007 г., когда документы, необходимые для проектирования восстановления Старого замка XI – XIX вв. в Гродно, были переданы в унитарное предприятие «Институт Гродногражданпроект». Тем не менее, на заседании Белорусского республиканского научно-методического совета по вопросам историко-культурного наследия в Минске (2007) разработчикам проекта было рекомендовано отказаться от осуществления исторических реконструкций княжеского терема, Нижней и Верхней церквей, поскольку в настоящее время неизвестна подлинная архитектура этих зданий в древности [3].

Существенные изменения произошли только в 2000-е годы. На современном этапе состоялись музейфикация храма в Турове Житковичского района Могилевской области и замковой башни в Витебске. В д. Юровичи открылся музей стоянки первобытного человека, на территории Национального парка «Беловежская пуща» в 2019 г. – «Археологический музей под открытым небом», своеобразная реплика польского Бискупина, созданная на основе реконструкций. Основанием для моделей жилищ и укреплений послужили уже изученные и реконструированные памятники эпох бронзы и железа на территории Польши и Беларуси.

Не претендуя на подробное историческое освещение проектной деятельности и музееведческий анализ, очертим лишь знаковые проекты начала нынешнего столетия. Так, к 1000-летию Туровской епархии и 1025-летию древнего Турова было приурочено полное открытие остатков храма XII в. с возведением музейного павильона. Церковь уже была известна по исследованиям М.К. Каргера в 1962–1963 гг. Раскопки в 2005 г., проведенные для полного раскрытия сохранившихся объемов этого памятника под руководством доктора исторических наук, профессора П.Ф. Лысенко, позволили создать новый туристический объект, отдел Туровского краеведческого музея. Известно, что храм функционировал с 1170-х гг. по 1230 г. и был разрушен Карпатским землетрясением [15, с. 355]. Открытие музеефицированного объекта состоялось уже 18 сентября 2005 г. Только с октября 2005 г. по октябрь 2006 г. музей посетило 613 экскурсионных групп. В пределах павильона находится объем трехнефного трехапсидного шестистолпного храма размерами 29х16,91 м, стены которого сохранились над уровнем фундамента на высоту 0,3–0,5 м, центральная апсида – до 2 м. Экспозиция иллюстрирует историю княжеского центра – Турова IX–XIII вв. Первоначально в павильоне экспонировались уникальные археологические находки: фрагменты колоколов, свинцовая печать киевского митрополита Кирилла II (1225–1232), часть бронзового кадила с изображениями святых Георгия, Фёдора, Ахрема, Иоанна, три саркофага: два сланцевых и один из плинфы, перекрытый сланцевой плитой [15, с. 355]. Новый археологический музей наглядно демонстрирует, что наряду с Киевом, Суздалем, Псковом и др. на территории Белорусского Полесья существовал крупный духовный центр христианской культуры. Для посетителей музея вышла научно-популярная книга «Сказание о Турове», специально подготовленная П.Ф. Лысенко. Проект музейного здания разработал ПИКП «Полесьепроект» в Мозыре. Каркас сооружения составляют мощные железные конструкции. Конструкторской недоработкой является отсутствие системы, которая должна поддерживать постоянную температуру и влажность.

В июле 2007 г. в Витебске сдан в эксплуатацию выставочный зал «Духовской круглик» городского Центра культуры. Первый этаж занимают остатки каменной «Нарожной» башни и оборонительных стен XIV в., открытые в 1984 г. археологами М.А. Трачёвым, Т.С. Бубенькой [28]. Восстановление каменной башни было отклонено экспертами Министерства культуры из-за плохой сохранности аутентичных остатков, отсутствия иконографических сведений и исторических описаний. Поэтому остановились на возведении новодела. Авторский проект исполнен архитектором Р. Ляденко. Размеры башни – 9,2х9,2 м, высота – 27 м. Сооружение имеет пять уровней. Интерьер украшают портреты князя Ольгерда и княгини Ульяны (художник И. Дуров), рядом с открытым памятником размещены фигуры рыцарей в доспехах. Второй уровень позволяет проникнуться историей Витебска (археологические материалы, фотографии города XIX – начала XX в.). Экспозиция третьего и четвертого уровней отражает историю Международного фестиваля искусств «Славянский базар в Витебске». Автор экспозиции художник А. Вышка. На пятом уровне находится смотровая площадка. «Духовской круглик» не является научной реконструкцией башни замка великого князя литовского Ольгерда. Это стилизация на тему средневековой башни и городская доминанта.

В 2000-х гг. в Гродненский облисполком был представлен проект, разработанный при содействии Международного совета по охране памятников и исторических мест (ИКОМОС) в 2010 г., реанимировавший идею создания музея неолитических шахт в г.п. Красносельский. По прошествии более 40 лет после исследований Н.Н. Гуриной, поверхность сохранившейся части меловой линзы довольно плотно поросла молодым лесом, меловая поверхность площадки некогда объявленного заповедника и откос ее со стороны карьера эрозировали. Резервуар для стока вод на краю заповедника запыл мелом, исчезли насыпные охраняемые холмики над устьями выявленных в прошлом шахт, цементные пломбы глубоко провалились в устья расчищенных шахтных колодцев. Летом 2008 г. археологом М.М. Чернявским и студентами БГУ были проведены работы по очистке территории с шахтами с целью выяснения состояния памятника и определения мероприятий по его консервации и музеефикации. Согласно этому проекту, предлагалось выкопать на краю мелового откоса уступ – площадку под легкую экспозиционную галерею с раскрытыми (демонстрируемыми в разрезе), законсервированными шахтными стволами. Музей может также включать отдельные разделы и экскурсионные маршруты, посвященные другим памятникам Красносельского археологического комплекса [24, с. 43]. Создатели справедливо отмечали, что осуществление современного проекта музеефикации этой уникальной территории с использованием зарубежного и отечественного опыта, обеспечит белорусскому музею в г.п. Красносельский общеевропейское признание.

В Мстиславле на Замковой горе, на правом возвышенном берегу р. Вихра, в 2014–2016 гг. под руководством археолога доктора исторических наук И.А. Марзалюка создан археологический музейный комплекс. В экспозицию входит павильон над открытыми и законсервированными по методу

Л.В. Колединского сооружениями средневековой застройки. Среди аутентичных археологических объектов внутренние дубовые конструкции оборонительного вала детинца Мстиславля, относящиеся к XI в., участок уличной мостовой, дворовые вымостки и срубные постройки XIII в. Дендрохронологическим методом получена наиболее ранняя дата – в хронологическом диапазоне 1052–1053 гг., соответствующая времени, когда был возведен укрепленный городской вал [13]. На глубине 4–5 м была обнаружена деревянная дубовая субструкция вала, напоминающая клетки, забитая глиной, где и были взяты для анализа спилов. Анализы образцов были выполнены сотрудником Института экспериментальной ботаники НАН Беларуси М.В. Ермохиным. Установлено, что мостовые, примыкающие к этому валу, и уличная упорядоченная планировка возникли между 1098–1120 гг. [12; 13]. Образец был взят из первой сохранившейся дубовой мостовой. Это подтвердило, что Мстиславль возник гораздо раньше официально празднуемой даты – 1156 г., первого достоверного упоминания (Ипатьевская летопись). Дендродаты оказались древнее полученных в советское время, ведь анализы древесины из раскопок Л.В. Алексеева в Мстиславле, выполненные Н.Б. Черных, очерчивали период возникновения города не ранее начала XII ст. (крайние точки абсолютной дендрошкалы 1115 и 1343 гг.) [25, с. 184]. В ходе музеефикации на Замковой горе, при научной консультации Л.В. Колединского и И.А. Марзалюка, по материалам изучения средневековых городов Беларуси были созданы в натуральную величину реконструкции построек хозяйственного назначения и жилой дом («дом местича») XII – начала XIV в., который выполняет функции павильона над археологическим раскопом. Руководствуясь данным, полученными известным российским археологом Л.В. Алексеевым, который исследовал Мстиславль более 20 лет с 1959 по 1985 гг., была воссоздана восьмиугольная башня-ротонда конца XV–XVI вв. Открывает комплекс въездная трехъярусная брама и «городни» с галереями. На территории музея проводятся экскурсии и праздник средневековой культуры «Рыцарскі фест».

Следует упомянуть о музеефикации исторического поселения радимичей в аг. Радомля Чаусского района Могилевской области. Она проходила в рамках проекта «Радомля – активность для возрождения», который был реализован отделом идеологической работы, культуры и по делам молодежи Чаусского райисполкома, и продолжена в 2017 г. – в рамках местной инициативы «Радомля – древний город радимичей» проекта «Содействие развитию на местном уровне в Республике Беларусь», финансируемого Европейским Союзом при поддержке ПРООН. Было получено финансирование в размере 25 тыс. евро. Реализован проект ГУК «Централизованная клубная система Чаусского района», координатор инициативы А.В. Далецкая, методист по традиционной культуре районного центра культуры и досуга. Под руководством кандидата исторических наук, доцента Л.В. Колединского, при участии доктора исторических наук В.В. Тугая были возведены три полуземлянки радимичей, соответствующие периоду X – начала XI вв. В интерьере срубов установлены полаты, лавы, воссозданы глинобитные печи. По историческим реконструкциям (научная консультация Л.В. Колединского) были изготовлены одежда и женские украшения радимичей, орудия труда и промыслов, образцы предметов вооружения и домашнего обихода: глиняная и деревянная посуда, светцы и лучины, деревянные ведра, дежа, деревянный идол-домовой, детские игрушки. На территории музея под открытым небом размещены исторически обоснованные реконструкции объектов древнего капища – пять скульптурных фигур, изображающих славянских божеств, и приспособление для добывания «живого огня». Ежегодно с 2014 г. комплекс становится местом проведения этнопраздника «У госці да радзімічаў», посвященного эпохе средневековья, и стал туристическим брендом Чаусского района [23].

Степень участия музеев, партийных и советских органов власти, местного сообщества в реализации проектов во второй половине XX века была разной: от инертного, даже деструктивного, до тесного сотрудничества. Например, в 1980-е гг. музеи иногда осуществляли финансирование работ экспедиций и проектные разработки, участвовали в подготовке проектной документации будущих музейных павильонов, разрабатывали концепции будущих музеев-заповедников. Заинтересованность музеев как правило возрастала после выхода соответствующего решения либо постановления правительства. Значительные изменения произошли в 2000-е гг., когда музеефикация открытых археологами памятников стала восприниматься государственными органами управления и обществом в целом не только как необходимый комплекс мероприятий с точки зрения науки и музейного дела, но и вклад в сохранение и популяризацию национального историко-культурного наследия в целях развития культуры, которая признана фактором устойчивого социального и экономического развития.

Предпринятый нами обзор проектов музеефикации объектов археологического наследия в Беларуси показывает, что потребность современного общества в диалоге культур очевидна. Развитие феномена культуры «музеефикация памятников археологии» во второй половине XX – начале XXI столетия подтверждает теоретическую концепцию В.С. Библера [4; 5] о современной культуре как бытии, устремлен-

ном к диалогу культур, обретающим в нем собственное смысловое бытие, которое воплощается в сфере произведений. Этими произведениями можно считать сохранные и актуализированные памятники археологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахутин, А.В. Онтологическая диалогика культуры В.С. Библера / А.В. Ахутин // Теоретическая культурология / К.Э. Разлогов (гл. ред.) ; ред. кол. серии: И.М. Быховская [и др.]. – М. : Акад. Проект ; Екатеринбург : Деловая книга ; РИК, 2005. – С. 34–43. – (Энциклопедия культурологии).
2. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – 2-е изд. – М. : Искусство, 1986. – 445 с.
3. Бачкоў, У. Невядомая нам Гародня / У. Бачкоў // Мастацтва. – 2007. – № 1. – С. 54–55.
4. Библер, В.С. Бытие в культуре / В.С. Библер // От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. – М. : Политиздат, 1991. – Ч. 2. – 413 с.
5. Библер, В.С. На гранях логики культуры: Книга избранных очерков / В.С. Библер. – М. : Рус. феноменол. о-во, 1997. – 423 с.
6. Джумантаева, Т.А. Музеефікацыя гісторыка-культурных помнікаў як частка працэсу адраджэння і захавання спадчыны / Т.А. Джумантаева // Матэрыялы па археалогіі Беларусі : зб. навук. арт. – Мінск, 2011. – Вып. 21 : Вывучэнне археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (да 1150-годдзя Полацка). – С. 5–18.
7. Дубицкая, Н. «Открытие Берестья» – тридцать лет спустя / Н. Дубицкая // Веды. – 2012. – 12 марта. – С. 8.
8. Казлоўскі, В.І. Музеефікацыя гарадзішча «Замчак»: гісторыя пытання, актуальнасць, прапанова па архітэктурным вырашэнні / В.І. Казлоўскі // Старажытныя гарады. Праблемы даследавання, музеефікацыі, захавання помнікаў і гістарычных тэрыторый : матэрыялы канф., Заслаўе, 2011 г. / Гіст.-культурны музей-запаведнік «Заслаўе»; рэд. М.У. Сульдзіна. – Заслаўе, 2011. – С. 43–50.
9. Калядзінскі, Л. Верхні замак Віцебска: археалагічнае вывучэнне і праблема захавання (канец XIX – канец XX стст.) / Л. Калядзінскі // Arche Пачатак. – 2014. – № 3 : Віцебскія гісторыі. – С. 24–99.
10. Каменецкий, И.С. Музеефикация памятников / И.С. Каменецкий, М.Е. Каулен // Российская музейная энциклопедия / редкол.: В.Л. Янин [и др.] ; М-во культуры РФ, Рос. ин-т культурологии. – 2-е изд. – М., 2005. – С. 390–393.
11. Каулен, М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России / М.Е. Каулен. – М. : Этерна, 2012. – 432 с.
12. Кулягин, С. Древний Мстиславль «постарел» на несколько десятилетий [Электронный ресурс] / С. Кулягин // Официальный сайт Республики Беларусь Bvelarus.by 16.03.2015. – Режим доступа: https://www.belarus.by/ru/press-center/press-release/drevnij-mstislavl-postarel-na-neskolko-desjatiletij_i_20541.html. – Дата доступа: 30.09.2019.
13. Кулягин, С. Хранитель памяти (интервью Игоря Марзалюка, 17.12.2015 г.) [Электронный ресурс] / С. Кулягин // БЕЛТА. – Режим доступа: <https://www.belta.by/interview/view/hranitel-pamjati-4548/>. – Дата доступа: 30.09.2019.
14. Лысенко, П.Ф. Научное, культурное и государственное значение археологических исследований древнего Берестья / П.Ф. Лысенко // Брестчина : история и современность : сб. материалов Респ. науч.-практ. конф., Брест, 29–30 июня 2012 г. / БрГУ им. А. С. Пушкина ; редкол.: А. В. Митюков [и др.]. – Брест, 2012. – С. 6–11.
15. Лысенка, П.Ф. Тураўскі кафедральны сабор / П.Ф. Лысенка // Археалогія Беларусі : энцыкл. : у 2 т. / рэдкал.: Т.У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2011. – Т. 2 : Л–Я. – С. 355–356.
16. Минеева, И.М. Археологическое наследие : проблемы сохранения и использования / И.М. Минеева // Фундаментальные проблемы культурологии : сб. ст. : в 7 т. / М-во культуры Рос. Федерации, С.-Петерб. отд-ние Рос. ин-та культурологии ; редкол.: Д.Л. Спивак (отв. ред.) [и др.]. – М. ; СПб., 2009. – Т. 6 : Культурное наследие: от прошлого – к будущему. – С. 40–44.
17. Музейные термины // Терминологические проблемы музееведения : сб. науч. тр. / Центр. музей революции СССР ; редкол.: Т. Г. Шумная (отв. ред.) [и др.]. – М. : Б. и., 1986. – 136 с.
18. Отчет Гродненской экспедиции 1949 г. ИИМК и ГГИАМ, составл. Н.Н. Ворониным // Фонды Гродненского гос. историко-археологич. музея. КП 16178. – 88 с.
19. Почобут, Н.А. Музеефікацыя крэмнедобываючых неолітычных шахт у Беларусі / Н.А. Почобут // Віцебскія старажытнасці : матэрыялы навук. канф., прысвеч. 90-годдзю з дня нараджэння Л.В. Аляксеева, Віцебск, 28–29 кастр. 2010 г. / Упр. культуры Віцеб. аблвыканкама, Віцеб. абл. краязн. музей ; рэдкал.: Г. У. Савіцкі [і інш.]. – Віцебск, 2012. – С. 218–232.
20. Почобут, Н.А. Сохранение и изучение археологического наследия в музеях БССР (1944–1991 гг.) / Н.А. Почобут ; науч. ред. С.П. Витязь. – Гродно : ЮрСаПринт, 2019. – 194 с.
21. Рабинович, В. Библер Владимир Соломонович / В. Рабинович // Культурология: люди и идеи / К.Э. Разлогов (гл. ред.) [и др.]. – М. : Акад. Проект ; РИК, 2006. – С. 53–55. – (Энциклопедия культурологии).
22. Романчук, А.І. Костошко-Валожиніч (1847–1907 гг.) / А.І. Романчук // Археалогія. – 1991. – № 2. – С. 111–121.
23. Унікальны апыт «Жывой археалогіі» у Чаусскім раёне, 23.08.2017 г. [Электронны рэсурс] // Іскра. – Режим доступа: <http://www.chausynews.by/?p=22232>. – Дата доступа: 29.09.2019.
24. Чарняўскі, М.М. Краснасельскія крэмнездабыўныя шахты: праблемы кансервацыі і музеефікацыі / М.М. Чарняўскі // Археалогія і гісторыя Гродзеншчыны : зб. навук. арт. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі ; навук. рэд. А.М. Мядзведзеў. – Мінск, 2010. – Вып. 19 : Матэрыялы па археалогіі Беларусі / рэдкал.: В.М. Ляўко (гал. рэд.) [і інш.]. – С. 42–47.
25. Черных, Н.Б. Дендрохронология и археология / Н.Б. Черных. – М. : Nox, 1996. – 213 с.

26. Шулепова, Э.А. Музеификация памятников как механизм использования культурного наследия в регионе : дис. ... д-ра культурологии : 24.00.02 ; 24.00.03 / Э.А. Шулепова. – М., 1998. – 292 с.
27. Щерба, С.П. Археологический музей «Берестье»: история, современность, перспективы / С.П. Щерба // Брестчина: история и современность : сб. материалов респ. науч.-практ. конф., Брест, 29–30 июня 2012 г. / Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина ; редкол.: А.В. Митюков [и др.]. – Брест, 2012. – С. 12–15.
28. Bubienko, T. Wieża Olgierda w Witebsku – wyniki badan, restauracja i uzytkowanie / T. Bubienko // Zamki, grody, ruiny. Seria: Architektura obronna. – Warszawa. – Białostok, 2009. – Т. III : Waloryzacja i ochrona. – S. 256–263.

Поступила 20.10.2020

**MUSEIFICATION OF ARCHAEOLOGICAL SITES IN BELARUS:
FROM A UNIQUE MONUMENT TO A CULTURAL PHENOMENON**

N. PACHOBUT

Museification of archaeological sites in Belarus is a cultural phenomenon exclusively of the 2nd pol. XX – beginning XXI centuries. It was born in the 1930s and has been making its way to life since the late 1940s. and in the 1950s, it finally received its greatest development in the 1970s and 1990s. with the creation of a number of branches of regional museums and historical and cultural reserves on the basis of unique archeological monuments preserved in situ. In the early 2000s. the implementation of museification projects that have already become traditional continued, and in the last 10 years there has been a reorientation towards creating models of prehistoric and medieval settlements performing a recreational function. Museification is a phenomenon of modern culture that works to preserve and popularize the national historical and cultural heritage in order to develop culture. Activities related to museification are a contribution to the sustainable development of society, as they contribute to the understanding of their own culture and "the dialogue of cultures" in the broadest sense of its understanding.

Keywords: museums, Belarus, museification, archaeological heritage.